Коростелев Станислав Валентинович

УПРЕЖДАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

В статье, посвящённой учёту международно-правовых норм в процессе принятия политических решений на применение военной силы, исследуются аспекты смешения в общественном мнении норм международного права и международной морали. Вследствие такого смешения действия государств, основанные на нормах Устава ООН, получают общественное осуждение, несмотря даже на то, что действия государств направлены на поддержание международного мира и безопасности в общих интересах. Автор утверждает, что международным правом упреждающее применение силы государствами не осуждается.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

изводства культуры, находящейся в определенных сложных отношениях и взаимодействиях с природой, обществом и человеком.

Философское содержание современного китайского образования в условиях глобализации заключается в осмыслении и разработке фундаментальных оснований и направлений, предопределяющих национальное и цивилизационное будущее. Философская рефлексия наполняет образование гуманистическим «конфуцианским» смыслом, универсальным по своей природе. В условиях глобализации философско-антропологические идеи традиционной культуры Китая выступают как мировоззренческая основа инновационного образования, которая определяет его дальнейшее развитие.

Список литературы

1. **Абрамов В. А., Абрамова Н. А**. История философии Китая: истоки, основные этапы развития, современность: курс лекций. Чита: ЧитГУ, 1997. Ч. 1, 2. 205 с.
2. **Базарова А. Н.** Роль конфуцианства в развитии традиционного китайского образования // Вестник БГУ. Улан-Удэ, 2010. № 8. С. 169.
3. **Майорова Н. В.** Инновационные формы высшего образования в современном Китае // Вестник МГТУ. М., 2008. Т. 11. № 1. С. 191-194.
4. **Программный документ по реформированию и развитию образовательной системы Китая** [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/31857/94147/95070/index.html (дата обращения: 25.03.2011).
5. **Ци Миньянь.** Ценностная парадигма современного китайского образования // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: мат. III межд. н.-практич. конфер. Чита, 2011. С. 266.
6. **Цун Ляньли.** Анализ проблем образования в России и Китае // Проблемы международных отношений и внутренней политики в странах АТР. М., 2008. С. 129-131.
7. **Meng Wanjin.** Sixty Years of Splendid Special Education // Education. 2010. № 1. P. 14-19.

PHILOSOPHICAL BASES OF MODERN CHINESE EDUCATION

Marina Aleksandrovna Konstantinova, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of Oriental Studies
Chita State University
markon.76@mail.ru

The article considers the philosophical bases of Chinese education system, characterizes the connection between culture and education and analyzes traditional culture elements in Chinese education system.

Key words and phrases: Chinese education system; traditional culture; values; social-cultural space; “perfect man”.

УДК 341.1/8

В статье, посвящённой учёту международно-правовых норм в процессе принятия политических решений на применение военной силы, исследуются аспекты смешения в общественном мнении норм международного права и международной морали. Вследствие такого смешения действия государств, основанные на нормах Устава ООН, получают общественное осуждение, несмотря даже на то, что действия государств направлены на поддержание международного мира и безопасности в общих интересах. Автор утверждает, что международным правом упреждающее применение силы государствами не осуждается.

Ключевые слова и фразы: упреждающее применение силы; международное право; моральные нормы; акты агрессии; Устав ООН.

Станислав Валентинович Коростелев, к.ю.н., доцент
Кафедра международного и гуманитарного права
Северо-Западная академия государственной службы
stakor@mail.ru

УПРЕЖДАЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ©

В основе военных доктрин государств, осуществляющих активную военную политику, всегда предусматривается упреждение противника в готовности к военным действиям. В то же время ст. 6 резолюции Института международного права гласит: «В международном праве нет оснований для доктрины «предупреждающей» самообороны (в отсутствие действительного или явно неизбежного вооружённого нападения)» [17]. Данное заявление повторяется достаточно часто, в том числе и в отечественной правовой

© Коростелев С. В., 2011

доктрине, которая любое упреждающее применение силы объявляет несостоятельным. Например, профессор В. С. Котляр пишет о том, что «... после принятия Устава ООН, с его принципом неприменения силы, в международном праве не существует основы ни для упреждающей, ни для превентивной или предвосхищающей самообороны, тем более что понятие «упреждающего удара» вообще искусственно перенесено частью западных юристов в международное право из тактического арсенала и терминологии периода войны, что открывает широкое поле для злоупотребления силой» [5, с. 368].

В чём заключается причина того, что правовая доктрина отказывается признавать явление «упреждения», а в реальной военно-политической действительности оно существует?

Доктринальный запрет на обращение к «упреждающим действиям» в процессе применения силы не имеет какого-либо смысла, поскольку ни одно международное соглашение, включая Устав ООН, не даёт определения «миру», «войне», «угрозе или применению силы», «вооружённой силе», «вооружённому нападению». Также не согласовано в каком-либо международном договоре современное содержание для термина «агрессия». И тем более нет правового определения для «упреждающих действий», а лингвистический запрет «упреждения» не может устранить его как таковое. А поскольку нет согласованных юридических рамок для правового регулирования реально существующих явлений, то как их можно запретить? Тем более что если явление не может быть искоренено, оно также и не должно игнорироваться правом, поскольку это попросту антинаучно. Но так происходит, очевидно, во-первых, ввиду сложности задачи, подлежащей исследованию; во-вторых, ввиду серьёзного политического давления. Считается, что правовое запрещение войны находится в основании современной международной правовой системы. В то же время является общепризнанным фактом, что данное запрещение не оказало сколько-нибудь значительного влияния на поведение государств - в гораздо более явной степени оно проявляется лишь в доктринах и заявлениях должностных лиц государств. Является ли запрещение на применение силы в международных отношениях правом, если оно постоянно игнорируется?

Как надлежит, например, применять правовое запрещение агрессивной войны, установленное в современном позитивном международном праве Уставом ООН? Как необходимо воспринимать чьи-либо заявления об «актах агрессии», если эти заявления обосновываются текстом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» [9], которая в соответствии с положениями главы IV Устава ООН является не более чем рекомендацией Совету Безопасности и государствам-членам ООН?

По аналогии с национальным законодательством, когда только суд может объявить человека преступником, в международном сообществе только СБ ООН может в своей резолюции на основании ст. 39 Устава определить существование акта агрессии. Вследствие этого с международно-правовой точки зрения бомбардировки бывшей Югославии в 1999 г., равно как и вторжение сил коалиции под руководством США в Ирак в 2003 г., действия Грузии в Южной Осетии и ответные действия России в 2008 г., как и многие другие акты применения силы, не являются актами агрессии.

Как отмечал В. Н. Шестаков, «...международное право взаимодействует с международными отношениями. Довольно часто между ними вообще не усматривается каких бы то ни было различий и одно из них принимается за другое. На самом деле это разные, хотя и взаимодействующие социальные явления» [12]. Именно вследствие непонимания сущности механизма международно-правового регулирования в общественном мнении зачастую смешиваются международное право и моральные нормы, несмотря на присущие им значительные сущностные отличия. В чем причина такого непонимания?

Необходимо отметить, что в сфере международного права может быть найден ответ только на один вопрос: «Правомерно ли применялась сила»? Ответы на вопросы: «почему применялась сила» либо «как применялась сила» - разрешаются в сферах международной политики и военного искусства, соответственно. А когда мы видим, как общественное мнение реагирует на какой-либо акт применения силы, мы должны учитывать, что в этом процессе используются критерии моральной приемлемости - происходит оценка того, насколько серьёзно акт применения силы влияет на групповые ценности, которые положены в основу данного сообщества.

Любая норма, регламентирующая поведение субъектов, может включать два элемента - собственно правило поведения (норму) и возможную санкцию за её нарушение [16, p. 220]. В зависимости от наличия санкции и её содержания норма может быть этической (для применения индивидом), может выражать общественную мораль, а может быть и нормой права. В первых двух случаях санкцией является осуждение. А в случае существования нормы права общество должно реагировать на проступок в «форме рациональной процедуры в рамках деятельности полиции, предъявления обвинения, судебного следствия, вынесения судебного решения и наказания» [Ibidem, p. 221].

Таким образом, поступок государства может получить всеобщее моральное осуждение, если им затрагиваются значимые ценности мирового сообщества. Но для применения нормы права, то есть для присвоения государству ответственности, тем же сообществом должны быть созданы соответствующие правоприменительные процедуры.

Поскольку центральной законодательной и исполнительной власти в мировом сообществе не существует, а национальное право происходит и принуждается к исполнению, исходя из дискреционных полномочий органов государства, то регулирующая роль международного права проявляется главным образом через легалистское оформление результата взаимодействия интересов государств. Государства создают, интерпретируют и применяют положения международного права соответственно своему пониманию национальных интересов и своему весу в международной политике.

В результате сосуществования и взаимодействия двух факторов - совпадающих или расходящихся национальных интересов и соотношения сил государств - появляются условия для создания и применения международного права. Если нет конфликта интересов либо баланса сил - нет и международного права. Например, его не может быть в однополярном мире.

Следовательно, для того чтобы определить, было ли нарушение не морального правила, а нормы международного права, вовсе нет необходимости исследовать мотивы поведения государств либо способы исполнения нападения - необходимо обратиться к механизму международно-правового регулирования, который основан на том, что в сфере международного права сами его субъекты являются как его творцами, так его толкователями и правоприменителями. Следует согласиться с утверждением Р. Борка: «Не может существовать аутентичной нормы права между народами, до тех пор государства не имеют единую политическую мораль либо не находятся под единой верховной властью» [14, p. 559].

Необходимость определения объекта такого явления, как «международное право» проявляется в процессе принятия политических решений по обоснованию необходимости применения вооружённой силы против других государств, уточнения пределов юрисдикции государства, присвоения международно-правовой ответственности и т.д.

Для выявления этого объекта существует инструментарий - основные принципы международного права, как заявляется в доктрине, руководящие правила, которыми субъекты должны руководствоваться в своей международной деятельности. В современной интерпретации они установлены, например, в Уставе ООН, а их наиболее авторитетное толкование содержится в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» 1970 г. [1].

Относительно принципов международного права российская доктрина определяет: «Они являют собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений. Принцип международного права - это норма международного права, имеющая обязательный характер для всех субъектов» [4]. «Принципы международного права являются наиболее общими нормами. Их содержание многогранно; оно раскрывается посредством конкретизирующего нормотворчества» [7, с. 62].

Пленум Верховного Суда также определил принципы международного права как *jus cogens*: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо» [8].

По мнению С. М. Пунжина, который в целом подтверждает общее направление российской доктрины, но также выделяет «неюридическую» природу принципов международного права, «...принципами называются общие руководящие положения, степень нормативности и природа которых (юридическая или неюридическая) могут в значительной степени варьироваться» [10, с. 239-240].

Но как доктрина соотносится с практикой государств, являющейся «конкретизирующим нормотворчеством», если они регулярно действуют таким образом, что мы, по заявлениям политиков и учёных, «...видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права» [11]?

Может ли это послужить основанием для заявления, что «принципы международного права» в каком-либо вообще смысле являются «правом», если практически ежедневно государства неизбежно их нарушают в процессе решения любой из задач обеспечения своей национальной безопасности. Например, анализ материалов дискуссий в Совете Безопасности ООН по поводу событий августа 2008 г. на территории Южной Осетии [3] либо в марте 2009 г. в Ливии [2] демонстрирует неосуществимость реализации всех принципов международного права во взаимосвязи, как того требует п. 2 «Общие положения» вышеупомянутой Декларации [1]: необходимость обеспечить как защиту граждан России, так и территориальную целостность Грузии; или обращение к международному сообществу с призывом прекратить широкомасштабные и систематические нападения на гражданское население в Ливии и при этом уважать её территориальную целостность.

Считаем возможным предположить, что принципы международного права не могут быть отнесены к нормам права, поскольку не могут быть исполнены. Они являются лишь частью инструментария метода международного права, служат инструментами познания правовой действительности, её описания, т.е. определяют общие подходы к решению проблем согласования интересов государств, главным образом, великих держав.

На первый взгляд такое предположение представляется заводящим в тупик, но если обратиться к творчеству Дж. Бентама - английского социолога, юриста, теоретика политического либерализма, то он в своём толковании принципов международного права указывает на существование целей, объединяющих индивидов в их стремлениях либо определяющих поведение суверена, стремящегося к подчинению всех и вся своей воле: «Выражаемая в наиболее общем виде, цель это то, чего бескорыстный законодатель посредством международного права желал бы себе» [13].

Таким образом, если предположить, что принципы международного права - это цели международного сообщества, его моральные ориентиры либо ценности, тогда следует согласиться с Р. Борком о том, что достаточно просто разрешается основная проблема понимания механизма международного права: оно преобразует то, что по существу является проблемами международной морали, определяемой политическим сообществом в аргументы о праве, которые в большей степени вытекают из морали [14, p. 557]. Аргументы о праве, но не право!

Для того чтобы быть признанными международным сообществом, правила взаимоотношений государств должны быть приемлемыми для режимов, которые действуют на основании различных - часто противоречивых - моральных посылок, но имеют одни и те же конечные ориентиры - обеспечение

благополучия своего народа и как минимум безопасности правящей группы. Моральные ориентиры должны быть нейтральными и общими для всех государств и воплощать в себе моральное равенство. В процессе движения к общим и нейтральным ценностям государства взаимодействуют и создают нормы права, которые фиксируются в различных формах. Именно такую роль социальных ориентиров играют общепризнанные принципы международного права.

Для того чтобы быть принятыми всеми субъектами международных отношений в качестве норм права, создаваемые ими документы всегда должны иметь компромиссный характер, поскольку, по справедливому замечанию Ф. Фукуяма, каждому обществу присущи свои собственные «социальный капитал» или «социальная интуиция» [15]. Именно таким компромиссным характером и обладает в настоящее время Устав ООН, в котором фактически устранён принцип суверенного равенства государств: особая ответственность за поддержание мира, согласование баланса интересов и обеспечение мирного сосуществования обеспечиваются согласованием интересов только ведущих держав, составляющих постоянное ядро СБ ООН.

Именно в данном положении заключается то, что вводит в заблуждение общественное мнение, которое смешивает категории справедливости и права, поскольку нормы Устава ООН часто как будто бы «нарушаются», а принуждение к их исполнению происходит редко и неэффективно, в том числе и через предусмотренный Уставом механизм коллективного принуждения под руководством Совета Безопасности. Как следствие, возникают сомнения в юридической силе данного документа. Почему Устав ООН обладает такими свойствами?

В действительности нормы Устава не нарушаются. Может ли какая-либо международная организация проводить единообразную компромиссную политику, если интересы составляющих её государств не совпадают? Ещё в конце XIX в. русский дипломат Ф. фон Мартенс отмечал, что «...всё значение международных отношений и вся сила международного права основываются именно на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы» [6, с. 5]. «Международные общения покоятся на идее общения, которое немыслимо без солидарности интересов и общих стремлений, соединяющих народы» [Там же, с. 181], а «...субъектами современного международного права могут быть признаны только государства, приблизительно одинаково развитые в культурном и социальном отношении...» [Там же, с. 183]. То есть, как справедливо было замечено, создавать право могут только развитые государства.

«Цивилизованные нации» в момент созыва Первой конференции мира в Гааге в 1899 г. были представлены всего 26 государствами. На второй конференции мира в 1907 г. число наций, допущенных к участию в определении правил поведения государств, было уже 44. Сегодня в Генеральной Ассамблее ООН представлены 192 государства. Очень часто мнение большинства входящих в неё государств расценивается общественным мнением как нормы права, несмотря на то, что Уставом ООН Ассамблея предусмотрительно не была наделена такими полномочиями. Организация была создана победившими во Второй мировой войне государствами с учётом опыта Лиги Наций, но впоследствии в неё вошли развивающиеся, в основном бедные государства, которые хотели, чтобы международное право соответствовало их ожиданиям. Как отметил Р. Борк, «Ассамблея стала действовать на основании предположения, что всё, что там произносится, является международным правом либо свидетельством его существования» [14, p. 554].

Более того, поскольку международная организация должна обладать ресурсами для достижения уставных целей и принуждения к исполнению своих решений (не обеспеченная принуждением норма не является правовой), то вполне возможно предположить, что государства, предоставляющие организации ресурсы, вправе требовать для себя право контроля её деятельности, чтобы не допустить использования предоставленных ресурсов вопреки своим национальным интересам. Вследствие этого можно говорить о существовании права в сфере международной безопасности только в том виде, в котором оно удовлетворяет потребностям обеспечения национальных интересов ведущих держав - тех, кто входит в состав СБ ООН, и тех, кто обладает возможностями по согласованию своих воль в рамках процедур СБ ООН с другими активными участниками международной политики.

Толкование норм Устава ООН Генеральной Ассамблеей, выраженное в её резолюциях, вступает в кажущееся противоречие с применением тех же самых норм сильными государствами, главным образом, постоянными членами Совета Безопасности ООН. В действительности противоречия нет, исходя из установленного Уставом ООН механизма формирования норм права в сфере обеспечения международной безопасности. «Международная мораль» слабых государств и международное право ошибочно смешиваются в общественном мнении, хотя первая формализуется в резолюциях ГА ООН, а второе формализуется сильными государствами в практике СБ ООН и обычном праве.

Как справедливо заметил Г. Моргентау, «какая-либо международная организация, главной целью которой является поддержание международного порядка и мира, не обязательно должна быть универсальной в том смысле, что все государства мира должны входить в неё. Она должна всё же быть универсальной в том смысле, чтобы все сильные государства, которые, кстати говоря, чаще всего и являются нарушителями мира на планете, находились под её юрисдикцией» [16, p. 454].

Такова реальная модель организации системы обеспечения безопасности мирового сообщества, и она представляется достаточно справедливой и эффективной, поскольку легимитизирует действия сильных государств, способных не только провозглашать нормы международного права, но и принуждать к их исполнению либо не допускать их применения, если это противоречит их национальным интересам, что, в свою очередь, также служит делу поддержания международного мира и безопасности. Такое положение вовсе не

противоречит основным постулатам права, поскольку норма только тогда является нормой права, когда она обеспечена принудительной силой.

Таким образом, право государств на упреждающие действия в различных формах является обоснованным в рамках Устава ООН, однако данные рамки не могут быть жёстко формализованы ввиду отсутствия единого восприятия различными группами государств объективной основы в процессе квалификации действий тех государств, которые обладают ресурсами, достаточными для защиты своих национальных интересов и тем самым для формирования международного права в сфере применения силы. В то время как упреждающее применение силы в настоящее время является неизбежным элементом международных отношений, не международное право, а международная мораль выступает против упреждающих действий.

Список литературы

1. **Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций** [Электронный ресурс]. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/54/IMG/NR035154.pdf?OpenElement (дата обращения: 15.01.2011).
2. **Документы ООН: S/PV.5951, S/PV.5952, S/PV.5961, S/PV.6143**: стенограммы заседаний Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/sc/index.html (дата обращения: 15.01.2011).
3. **Документы ООН: S/RES/1970 (2011), S/RES/1973 (2011), S/PV.6491, S/PV.6498**: стенограммы заседаний и резолюции Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/sc/index.html (дата обращения: 22.03.2011).
4. **Колосов Ю., Кузнецов В.** Международное право [Электронный ресурс] // Библиотека «Гумер» - гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/kolos/01.php (дата обращения: 15.01.2011).
5. **Котляр В. С.** Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Изд. 2-е. Казань: Центр инновационных технологий, 2008. 480 с.
6. **Мартенс Ф.** Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Изданіе третье, дополненное и исправленное. С.-Петербургъ, 1895. Томъ I.
7. **Международное право**: учебник для вузов / отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. М.: Издательская группа «НОРМА-ИНФРА», 1999. 584 с.
8. **О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации**: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
9. **Определение агрессии**: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/742/34/IMG/NR074234.pdf?OpenElement (дата обращения: 15.01.2011).
10. **Пунжин С. М.** Правовая система РФ и международное право: вариации на тему статьи С. В. Бахина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2 (289). С. 234-256.
11. **Путин В. В.** Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml (дата обращения: 15.01.2011).
12. **Шестаков В. Н.** Понятие международного права: лекция [Электронный ресурс] / МГУ, юрид. фак-т. 2 сентября 1997 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».
13. **Bentham J.** The Principles of International Law. Essay 1. Objects of International Law [Электронный ресурс]. URL: http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/pil/pil.e01.html (дата обращения: 15.01.2011).
14. **Bork Robert H.** A Time to Speak: selected writings and arguments. 1st ed. Wilmington, Del.: ISI Books, 2008.
15. **Fukuyama Francis.** Social Capital and Civil Society [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/fukuyama.htm (дата обращения: 15.01.2011).
16. **Morgenthau Hans J.** Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace. Fourth edition. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1968.
17. **Present Problems of the Use of Armed Force in International Law** [Электронный ресурс] / Institut De Droit International, 10A Resolution En. Session de Santiago - 2007, 27 October 2007. Tenth Commission. PdA/il. URL: http://www.idi-iil.org/idiE/annuaireE/10th_com_leger_b.pdf (дата обращения: 15.01.2011).

ANTICIPATORY ACTS OF STATES FROM THE POSITIONS OF INTERNATIONAL LAW, MORALITY AND POLITICS

Stanislav Valentinovich Korostelev, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of International and Humanitarian Law
Northern-Western Academy of Public Service
stakor@mail.ru

In the article devoted to taking into account international-legal norms during the process of making political decisions as to applying military force the author researches the aspects of mixing international law and international morality norms in public opinion. Due to such mixing the acts of the states based on the norms of United Nations Charter get public condemnation notwithstanding the fact that the acts of the states are aimed at supporting international peace and safety in common interests. The author states that anticipatory force applying by the states is not condemned by international law.

Key words and phrases: anticipatory force applying; international law; moral norms; aggression acts; United Nations Charter.